

Лапутин Евгений

14.1.94

Лапутин — не Штирлиц, он любит первые фразы

Задавались ли вы когда-нибудь вопросом: какие сословия или профессии особенно близки к писательству? По-моему, здесь спорить не приходится. В прошлом веке в литературу шли в основном помещики, в нынешнем — чаще всего врачи. Не знаю, как было раньше; но сейчас, надо полагать, каждодневные наблюдения за нелегкими характерами пациентов заставляют даже ленивых докторов взяться за перо...

И вот, после полученной недавно травмы, я иду на прием к давнишнему приятелю, писателю и хирургу Евгению Лапутину. Ученик знаменитого Канделя несколько лет занимался тем, что приводил пострадавшим в порядок содержимое их головы. «Буду менять институт, — признался он мне однажды. — Каждая третья операция кончается летальным исходом, поневоле станешь пессимистом. А тогда и моему писательству — конец». Но я, к счастью, легко отделался, предстоят лишь косметические правки на лице. Оттого и направляю свои стопы к новому месту работы Евгения Борисовича — в институт красоты.

Доктор Лапутин принимает в одиннадцатом кабинете, — сообщают в регистратуре.

Куда же я попал! Какие зеркала, какие лестницы, какие ковровые дорожки! Здесь поистине должно быть царство фей, куда лишь изредка, для порядка, можно подпустить какого-нибудь эльфа.

Этим эльфам ощущая себя я. И сижу в очереди в окружении неслыханных красавиц.

Следующий, — распахивает дверь Лапутин. Заметив меня, добавляет. — Вижу, вижу... Здесь гематома. Синяк, черт с ним... Садитесь сюда. Немного электричества не повредит.

Да, возмужал Евгений Борисович за те десять лет, когда впервые встретились мы в «Советском писателе». Я пригласил тогда молодого автора за редакционный стол с большим самоваром и, помнится, сказал: «Редакторы пьют чай с лимоном, авторы — без лимона». Так началась наша дружба.

Тогдашний директор В.Н.Еремченко часто мне внушал: «Откроешь хоть один талант — значит, не зря ел щи в издательской столовой». Таким открытием стал для меня Женя Лапутин. Рукопись его с благословения директора сразу запустили в производство. А через год новоиспеченного писателя приняли в творческий союз за книгу «Памятник обманщику».

Низкий поклон Владимиру Николаевичу за все хорошие дела. Когда его кабинет заняли посторонние люди, начался развал издательского дела. На заслуженный отдых отправили редакторш-пензионерок — и коллектива не стало. Выяснилось, что все держалось на старшем поколении, для которого общественное всегда дороже личного. А, кроме наших добрых старушек, до молодых писателей никому не было дела...

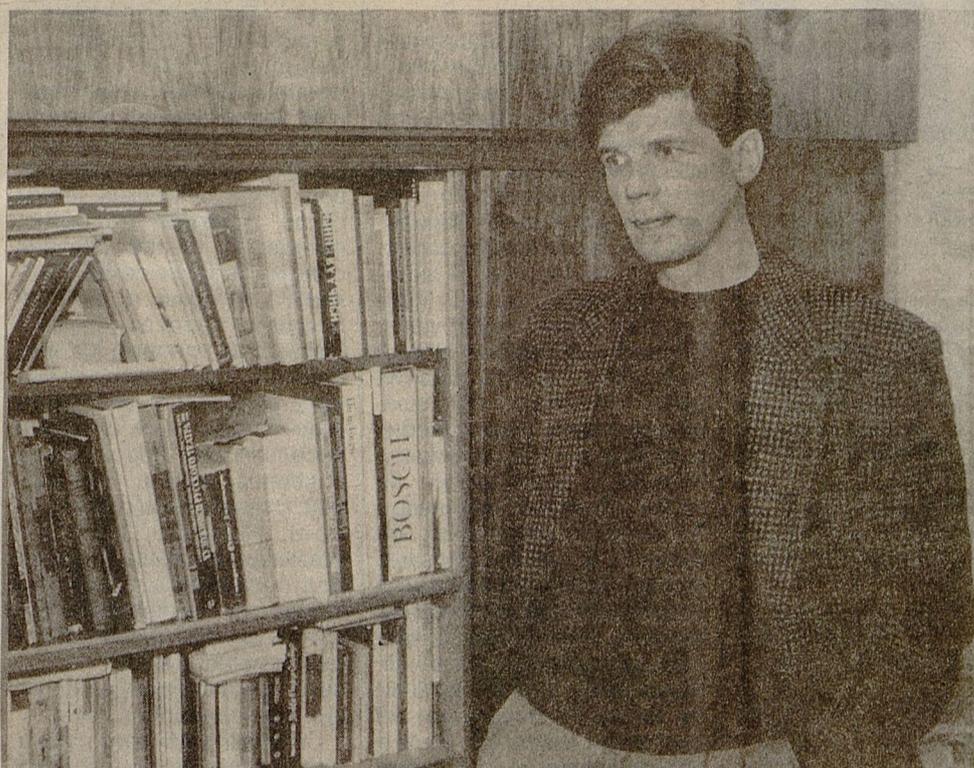
— Ну как? Электричество не щиплет? — спрашивает меня Евгений Борисович.

— Терпимо.

— Потерпите еще минут десять. Я не был редактором другой его книги, «Импровизации от третьего лица», но отлично помню этот роман. Евгения Лапутина посетила счастливая мысль: поместить крошку Цахеса в наш железный век, рас-

сказать старую гофмановскую сказку совершенно по-новому. И вот что значит единомыслие автора и редактора! Примерно тогда же я написал пьесу по мотивам Гофмана, принятую недавно к постановке одним из московских театров. И в романе, и в пьесе крошка замучен жестоким окружением, он может вызывать только сочувствие. Да и как можно по-другому писать об униженном маленьком человеке в наше время, неистово кричащее о необходимости христианского сострадания? Оказывается, можно...

— Евгений Борисович, не буду скрывать: я собирался писать совсем о другом

писателя, более знаменитом. Он вручил мне свой новый роман и прочел такое наставление... Причина всех наших бед в эгалитарности, стремлении к равенству. Эгалитарность рождает зависть, зависть ведет к черной злобе, а та толкает на преступления...

— Но Лев Толстой, кажется, собирался отдать крестьянам свое имение и спать на соломе. И все во имя эгалитарности.

— Мой знакомый спать на соломе никогда не согласится...

— Я перечитывал письма Гоголя, — перебивает меня Лапутин. — Как же предостерегает он человека от гордыни ума... «Во всем он усумнится... в правде, в Боге усумнится, но не усумнится в своем уме».

— Какие же писатели нравятся вам больше?

— Из западных — Джойс, Пруст, Бодлер. Из русских — Гоголь, Бунин, Набоков.

— Кто-то из критиков сказал, что вы подражаете Набокову.

— Формально мою прозу можно сравнить с набоковской. У нас с ним, думаю, природное совпадение сознания. Но подражать-то можно пешеходу, а не канатоходцу...

Я дремлю под тихий треск аппарата и думаю о том, как все в мире не случайно. И то, что любимы нами гоголевские письма, особенно «Христианин идет вперед» и «Светлое воскресенье». И то, что стараемся

мы жить только по законам правды. И то, что обе профессии моего любимого автора перетекают одна в другую, суть их едина: созидать красоту внутреннюю и внешнюю.

Вы, наверное, скажете, что все, что было дальше, — случайность. Но кто-то явно толкнул меня под руку. Когда стало известно, что издательство закрыто, я снял с полки рукопись нового романа Лапутина и понес ее в журнал «Новый мир». Дверь открылась, и навстречу мне вышел главный редактор. «Вот, Сергей Павлович, лучший роман, оставшийся неизданным в моем издательстве». «Давайте, — говорит мне Залыгин. — Завтра я ложусь на операцию в

больницу, там и прочту». Что за чудо это старшее поколение! Роман прочитан и с колес напечатан в нашем лучшем журнале!

Помню, как Евгений писал его, как мы спорили по телефону, меняли названия. Редактура шла по проводам. «Саша Соколов, — говорю я в трубку, — особое значение придает первой фразе. Прочтите, как там у вас?» «Когда я был эмбрионом», — начинает автор. «Носил я брюки клеш», — продолжаю я, и мы оба хохочем. И вот он, седьмой номер журнала «Новый мир». Вот оно, начало романа Лапутина «Приручение арлекинов»: «Когда-то меня еще не было, и только оплодотворенная материнская яйцеклетка, постепенно набухая, обещала стать мною».

— Сейчас процедуру окончим, — прерывает мои размышления Евгений. — Кстати, по поводу выхода «Арлекинов» звонили первые читатели. Роман дает пространство для воображения, оттого интерпретации его полярно противоположны.

— Замысел «Арлекинов» легко укладывается в простую пушкинскую формулу... Любовь к отеческим гробам...

— Вот что значит редактор! Как бы по диагонали мысленно пробегаю весь роман. Фабуну составляет классический треугольник: юный герой Андрей, его мать (без имени), его отчим Вадим Иосифович Кублицкий. Каждый вечер мужчины играют в шахматы, и всякий раз выигры-

вает Кублицкий, застенчивый, антипатичный тип. Воображение подсказывает юноше жестокие картины гибели обидчика, который между тем исподтишка ласкает его обожаемую мать. И вот слетевший с неба ангел или просто мальчик ведет Андрея на кладбище, где покоится истинный его отец приват-доцент Григорий Ермилович Смоленский. Нет, пустое дело... Все равно что пересказывать стихи... А многие страницы «Арлекинов» действительно написаны белыми стихами.

«О, мой герой коленопреклоненный! ты помнишь ли Аркадии леса? Ты помнишь: имярек, тобой казненный, умело восходил на небеса».

— Женя, вы хотели бы достичь уровня Питанги? — Почему бы нет! Но еще интереснее состязаться с другим латиноамериканцем — Габриелем Гарсиа Маркесом!

Мы спускаемся в кабинет директора института Эммы Михайловны Должиковой. Молодой специалист, рассказывает она, пришедший в институт красоты из нейрохирургии, быстро вошел в курс дела. За какой-нибудь год он освоил операции, на овладение которыми обычно уходит десятилетие. (Я сам видел чистое, без единого шрама, лицо одной известной актрисы кино, для которой он проделал сложнейшую пластическую операцию.)

Эстетическая медицина, объяснила мне Должикова, особенно нужна артистам, для которых лицо — их творческий инструмент. Она рассказала, что Софи Лорен, к примеру, проделала сорок косметических операций. А чернокожий Майкл Джексон так отшлифовался, что стал белым. В московском институте тоже шлифуют кожу, правда, не затрагивая пигментного слоя, чтобы пациент не утратил иммунитета. Здесь придается первостепенное значение здоровью посетителей.

— Приходите к нам еще, — говорит мне Эмма Михайловна. — И спасибо вам за помощь нашему Евгению. Мы гордимся, что у нас работает хирург, не только делающий операции, но и пишущий книги.

Шумит, обтекает нас со всех сторон вечерний Новый Арбат. Закончен день, и мы расходимся по домам.

— Как будет называться ваш новый роман? — спрашиваю я на прощание.

— «Мои встречи с Огастесом Кьюницем».

— Кьюниц, кажется, ученик Фрейда?

— Совершенно верно. Он создатель творческого метода, позволяющего установить предстоящие перемены в жизни каждого из нас. Пользуясь этим методом, я пишу провидческий роман о своей судьбе.

— Немного страшновато. Но интересно.

— В своих книгах я протестую против грубости внешнего мира. Литература — наша вторая реальность. И я верю, что в конце концов она пересечется с осязаемой реальностью.

Понимаю. Кажется, понимаю, о чем он говорит. Я иду по улицам Москвы конца XX века и думаю о классической Афинах эпохи Перикла и о классической Флоренции эпохи Данте. Именно тогда и произошло пересечение искусства и жизни, о чем мечтает Евгений Лапутин. Надеюсь, потомки когда-нибудь откроют его книги и скажут: «Бог мой! Мой Бог!»

Вспоминая рассказ Евгения о его поездках в Нью-Йорк в гости к магистру искусств Эрику С., который пишет книгу о современной русской прозе (по произведениям Ф.Искандера, Ф.Горинштейна, Е.Лапутина), Нью-Йорк молодому писателю не понравился; ему, как и мне, по душе старушка Европа, откуда к

нам пришли истинно классические ценности. «Я объяснял Эрику, — рассказывал Евгений, — что нас троих ничто не объединяет. Искандер и Горинштейн — рационалисты, у них прикладные цели; я же — индивидуалист и романтик. Но все бесполезно. Менталитет американцев безнадежно испорчен».

Наконец-то мы покидаем процедурный кабинет, и вместе идем по коридорам института красоты. Здесь особый мир, особые заботы. О, как хотели бы московские жрецы сравняться с бразильским мастером красоты Иво Питанги! Именно к нему, в солнечный Рио, ездят на пластические операции все звезды Голливуда.

— Женя, вы хотели бы достичь уровня Питанги?

— Почему бы нет! Но еще интереснее состязаться с другим латиноамериканцем — Габриелем Гарсиа Маркесом!

Мы спускаемся в кабинет директора института Эммы Михайловны Должиковой. Молодой специалист, рассказывает она, пришедший в институт красоты из нейрохирургии, быстро вошел в курс дела. За какой-нибудь год он освоил операции, на овладение которыми обычно уходит десятилетие. (Я сам видел чистое, без единого шрама, лицо одной известной актрисы кино, для которой он проделал сложнейшую пластическую операцию.)

Эстетическая медицина, объяснила мне Должикова, особенно нужна артистам, для которых лицо — их творческий инструмент. Она рассказала, что Софи Лорен, к примеру, проделала сорок косметических операций. А чернокожий Майкл Джексон так отшлифовался, что стал белым. В московском институте тоже шлифуют кожу, правда, не затрагивая пигментного слоя, чтобы пациент не утратил иммунитета. Здесь придается первостепенное значение здоровью посетителей.

— Приходите к нам еще, — говорит мне Эмма Михайловна. — И спасибо вам за помощь нашему Евгению. Мы гордимся, что у нас работает хирург, не только делающий операции, но и пишущий книги.

Шумит, обтекает нас со всех сторон вечерний Новый Арбат. Закончен день, и мы расходимся по домам.

— Как будет называться ваш новый роман? — спрашиваю я на прощание.

— «Мои встречи с Огастесом Кьюницем».

— Кьюниц, кажется, ученик Фрейда?

— Совершенно верно. Он создатель творческого метода, позволяющего установить предстоящие перемены в жизни каждого из нас. Пользуясь этим методом, я пишу провидческий роман о своей судьбе.

— Немного страшновато. Но интересно.

— В своих книгах я протестую против грубости внешнего мира. Литература — наша вторая реальность. И я верю, что в конце концов она пересечется с осязаемой реальностью.

Понимаю. Кажется, понимаю, о чем он говорит. Я иду по улицам Москвы конца XX века и думаю о классической Афинах эпохи Перикла и о классической Флоренции эпохи Данте. Именно тогда и произошло пересечение искусства и жизни, о чем мечтает Евгений Лапутин. Надеюсь, потомки когда-нибудь откроют его книги и скажут: «Бог мой! Мой Бог!»

Вспоминая рассказ Евгения о его поездках в Нью-Йорк в гости к магистру искусств Эрику С., который пишет книгу о современной русской прозе (по произведениям Ф.Искандера, Ф.Горинштейна, Е.Лапутина), Нью-Йорк молодому писателю не понравился; ему, как и мне, по душе старушка Европа, откуда к

Владимир КЛИМЕНКО.